

Расстояние между Лу Циньянем и Вэнь Цзюэ было приличным, и даже с идеальным зрением тот вряд ли мог разобрать мелкий почерк на страницах сценария.

Впрочем, это не имело значения. Даже не видя букв, он точно знал, на какую сцену указывает юноша. Более того, он помнил не только свои реплики, но и каждую строчку Лу Циньяня.

— Почему ты решил, что он упрям? С чего ты взял, что он обязательно ошибается? — Когда Лу Циньянь задал этот вопрос, Вэнь Цзюэ уже прекрасно понимал, какой сумбур творится в этой не слишком сообразительной голове.

— Финал доказал его неправоту, — не раздумывая, бросил Лу Циньянь.

Вэнь Цзюэ посмотрел на него искоса, с бесстрастным лицом. Сказать было почти нечего.

— Неудивительно, что ты так паршиво играешь. Сдаётся мне, ты сценарий в глаза не видел — по крайней мере, не читал его всерьёз.

— Моя игра вполне сносна, учитель Вэнь. Разве вы сами меня сегодня не хвалили? — Лу Циньянь явно задел этот выпад.

— Вот как? Прости, уже не припомню, — и пренебрежительный тон Вэнь Цзюэ задел актёра куда сильнее, чем сами слова.

Лу Циньяню стало не по себе. Он уже открыл рот, чтобы огрызнуться: «Как вы можете так себя вести, неужели нельзя просто...», но вдруг осёкся. Мысль, острая и внезапная, пронзила сознание.

Он замолчал, опешив и смутившись.

— То есть... я понял, в чём ошибся. Учитель Вэнь, ещё не поздно забрать мой вопрос обратно?

— Как пожелаешь.

Краткий и холодный ответ Вэнь Цзюэ не слишком обрадовал Лу Циньяня, но он счёл это согласием. До него наконец дошло: он судил о персонаже, Линь Еци, исходя из финала истории. Он использовал «взгляд свыше», зная итог, вместо того чтобы вжиться в шкуру героя в моменте. Очередная неловкость, в которой винить можно было только себя.

— Но эмоциональные сцены... Боюсь, я не смогу раскрыться, — неуверенно начал Лу Циньянь, решив сменить тему. — До этого у нас были в основном будничные эпизоды, довольно ровные.

— По-моему, минуту назад ты был вполне открыт, — Вэнь Цзюэ выдержал паузу, глядя на опешившего юношу. — Да и на стримах ты за словом в карман не лезешь, не так ли?

Эти слова ударили по Лу Циньяню, выбив почву из-под ног. Он ведь искренне просил совета, а Вэнь Цзюэ снова язвил. Неужели этот человек физически не способен нормально разговаривать?

Справившись с собой через несколько секунд, Лу Циньянь решил пропустить шпильку мимо ушей.

— Учитель Вэнь, может, пройдемся по ролям? Поможете мне поймать нужное состояние?

В ответ Вэнь Цзюэ уставился на него долгим, изучающим взглядом. Стало неуютно. Лу Циньянь уже начал жалеть, что впустил его в номер: обещал помочь, а сам только давит тишиной.

— Дай сценарий, — Вэнь Цзюэ протянул руку ладонью вверх, словно прочитав мысли собеседника.

«Даже великий Киноимператор не может помнить всё дословно», — злорадно подумал Лу Циньянь. Придерживая плед, чтобы тот не соскользнул, он поднялся и передал тетрадь Вэнь Цзюэ, который так и остался сидеть на диване.

Вэнь Цзюэ углубился в чтение. Но интересовали его не реплики, а пометки, которые Лу Циньянь оставил на полях. Он не читал всё подряд — время поджимало, — лишь бегло просматривал страницы, изредка издавая неопределённый звук, похожий на короткий смешок или хмыканье.

Лу Циньянь внимательно наблюдал за ним, пытаясь понять значение этих звуков, но пришёл к выводу, что мастер просто увлёкся текстом.

Надо признать, заметки были дельными. Вэнь Цзюэ не ожидал, что на этот раз парень действительно возьмётся за ум.

Тишина затягивалась. Лу Циньянь, обычно нетерпеливый, вдруг поймал себя на любопытстве: что же скажет Вэнь Цзюэ, когда поднимет взгляд? Он слегка склонил голову набок, разглядывая мужчину. Поза его была расслабленной, почти ленивой.

Минуты утекали одна за другой. Терпение Лу Циньяня, вспыхнувшее было интересом, снова начало таять. Вэнь Цзюэ сидел неподвижно, не отрываясь от страниц, и Лу Циньянь даже начал беспокоиться за его шею.

Кондиционер, который поначалу дарил приятное тепло, теперь казался источником духоты.

Воздух в комнате стал тяжёлым, липким. Лу Циньянь почувствовал, как внутри закипает раздражение. Он аккуратно сложил плед, отложил его на стол, но легче не стало — дыхание участилось, кожа горела.

Он сжимал и разжимал кулаки на коленях, пока наконец не выдержал.

— Учитель Вэнь, ну как? — в голосе проскользнуло явное недовольство.

Это походило на игру в гляделки, где проигрывает тот, кто заговорит первым. Но Лу Циньянь не собирался состязаться, да и Вэнь Цзюэ, пожалуй, тоже. Причина его молчания была проста: он действительно зачитался.

Лу Циньянь был загадкой. Словно в одном теле уживались две разные души. То, что он делал последние два дня, разительно отличалось от его прежнего поведения — этот контраст заметил бы даже слепой.

— Да, я закончил. Держи, — Вэнь Цзюэ закрыл сценарий и небрежно протянул его вперёд.

Рука замерла в воздухе, не дотянувшись до Лу Циньяня добрых полметра. Тому пришлось снова встать, подойти и забрать сценарий. Из-за глухой обиды он почти вырвал тетрадь из рук Киноимператора.

— Тогда я...

Лу Циньянь не успел договорить — Вэнь Цзюэ оборвал его на полуслове:

— Ту сцену со взрывом. Покажи её прямо сейчас.

Лу Циньянь на мгновение опешил.

— А? — вырвалось у него прежде, чем он успел взять себя в руки. Глупо вышло.

— М-м? — Вэнь Цзюэ скептически взглянул на него. — Ты ведь хотел услышать моё мнение?

— Хотел, конечно. Но сейчас... нас только двое, это как-то... — Лу Циньянь замялся. Атмосфера между ними была слишком натянутой.

— Как-то... неловко? — Вэнь Цзюэ попал в самую точку.

Лу Циньянь едва заметно кивнул. Он был из тех актёров, которые не боятся толпы на съёмочной площадке, но теряются, когда нужно играть в пустой комнате перед единственным

зрителем.

— Удивительно, что тебе знакомо чувство неловкости. Я-то думал, ты давно потерял всякий стыд.

Для Вэнь Цзюэ это было забавным зрелищем: Лу Циньянь, чьё лицо обычно казалось непроницаемым для критики, вдруг смутился.

Лу Циньянь резко выпрямился. Хотелось съязвить в ответ, но слова застряли в горле. Он злился на себя за то, что позволяет этому человеку так легко манипулировать своим состоянием. Вэнь Цзюэ буквально назвал его бесстыжим, и это было чертовски обидно.

Вэнь Цзюэ, в свою очередь, признавал про себя: Лу Циньянь не лишён таланта. Особенно в искусстве притворяться дурачком или мгновенно менять маски. Где правда, а где игра — порой путался даже опытный мастер. Но этот вид — растерянный и задетый — определённо ему шёл.

— Лу Циньянь, хватит тянуть время. Если хочешь вырасти как актёр — начинай.

Когда напряжение достигло предела, Вэнь Цзюэ наконец заговорил серьёзно. Лу Циньянь понимал: он прав. Сам он эту сцену не вытянет, а Вэнь Цзюэ, при всей его невыносимости, — лучший учитель, которого можно пожелать.

— Учитель Вэнь, вы мне подыграете? — с надеждой спросил он. Сложно выдавать бурю эмоций, когда перед тобой пустота.

— Нет.

Короткий, как выстрел, отказ.

Вэнь Цзюэ продолжал сидеть в центре дивана, холодный и неподвижный. Лу Циньянь же, напротив, метался: то сядет, то встанет. Сейчас он стоял перед мастером, как участник конкурса талантов перед суровым жюри. Ощущение было паршивым — уверенность таяла на глазах.

Сделав глубокий вдох и пытаясь собраться, Лу Циньянь отвернулся от Вэнь Цзюэ. Он решил: будь что будет.

Перед ним было свободное пространство. Он представил, что там стоит Чу Фань. Представил его слова, его интонации. Поймал ритм. Постепенно комната перестала существовать — осталась только сцена.

Вэнь Цзюэ наблюдал. И он видел талант. Раньше он и под пытками не признал бы, что этот

парень на что-то способен, но сейчас отрицать очевидное было глупо. У Лу Циньяня была редкая способность к эмпатии — он впускал персонажа в себя и проживал его боль. Из него мог бы выйти большой артист, если бы он не тратил себя на статус популярного молодого актёра.

— Значит, я в тебе ошибся... Чу Фань, ты просто подонок! — голос Лу Циньяня окреп, набрал силу. Он не сдерживался, давая гневу выплеснуться наружу.

Но в следующий миг, не получив ответной реплики от партнёра, он сбился. Ритм рухнул. Лу Циньянь застыл на месте, растерянно моргая.

Играть с пустотой было невыносимо одиноко.

Вэнь Цзюэ едва заметно кивнул, хотя голос его остался прежним — безразличным и сухим:

— Что такое? Слова забыл?

Лу Циньянь повернулся к нему. Глядя в это ледяное лицо, он почувствовал, как остатки вдохновения сменяются глухой досадой. Воздух в комнате снова стал неподвижным и тяжёлым.

<http://bllate.org/book/17547/1710943>